

Глава 12. Муж

Будучи единственным шеф-поваром на кухне крупнейшего трактира в городе, мастер Ляо набрал себе немало учеников. Среди них были и личные ученики, которым он передавал настоящее кулинарное мастерство, и такие, как Ли Янь — внешние ученики, которым дозволялось лишь резать овощи да подготавливать продукты.

И раз в десять дней среди внешних учеников выбирали одного дежурить у задней калитки кухни.

Работа эта не приносила ни выгоды, ни навыков, ни полезных знакомств. Потому все внешние ученики мастера Ляо терпеть её не могли, считая это пустой тратой времени.

А после того как утром мастер Ляо устроил Ли Яню разнос из-за того, что от него ушёл охотник Цзянь без денег, тот и вовсе возненавидел это дежурство.

Стоило главному на кухне выйти из себя и весь задний двор кухни начинал ходить на цыпочках, боясь ошибиться и попасть под горячую руку.

Ли Яню было ужасно обидно, но возразить он не смел.

К счастью, узнав, что Цзянь Циньюй пообещал прийти снова, мастер Ляо немного смягчился и строго наказал всем, кто впредь будет сторожить заднюю калитку, что как только появится Цзянь Циньюй — немедленно сообщить ему.

Позади калитки для сторожа поставили навес без стен.

Он мог разве что укрыть от дождя — и то стоять приходилось всё время на ногах.

Кроме дней крупных закупок, сюда почти никто не заходил, и, пользуясь тем, что никто не видит, Ли Янь бездельно привалился к одному из столбов навеса, лениво зевая.

Раздражённо бурча себе под нос, он пробормотал:

— Когда же и я стану личным учеником?..

Впрочем, такое он осмеливался думать и говорить только тайком. Ведь первым условием для ученичества у мастера Ляо были двадцать лянов серебра.

Семья Ли Яня и без того жила в такой нищете, что ему пришлось искать постоянную работу. Кто бы мог подумать... Будь у него такие деньги, он бы не торчал здесь, одновременно работая и кухонным подручным, и сторожем.

Пока он жалел себя и своё безнадёжное будущее, в калитку вдруг громко и тяжело постучали, будто пришли выбивать долг.

Ли Янь раздражённо цыкнул и крикнул, не скрывая злости:

— Кто там?!

Снаружи тут же перестали стучать.

Ли Янь подбежал и распахнул дверь.

За дверью стоял молодой гер с яркой, красивой внешностью. Его тонкие брови были слегка нахмурены. Ли Янь, привыкший угодливо улыбаться каждому посетителю, в тот же миг невольно сменил раздражённое выражение лица на приветливое, приподнял уголки глаз и заискивающе спросил:

— Чем могу помочь, господин гер?

Этим гером оказался Линь Жун.

Не заискивая и не робея, он спокойно сказал:

— Утром... мои домашние приносили вам горные товары на продажу. Вы ещё не отдали деньги.

— ...А? — застывшая на лице Ли Яня услужливая улыбка дрогнула. — Утром? Горные товары?

Ли Янь будто внезапно что-то понял. Его глаза едва не вылезли из орбит.

Когда он открывал дверь, то распахнул её лишь настолько, чтобы мог пройти человек. Но сейчас, от волнения, он рывком открыл створку полностью и увидел рядом высокого, статного и до боли знакомого мужчину.

Кем ещё мог быть этот красивый охотник, если не Цзянь Цинъюй?

От радости Ли Янь едва не выкрикнул: «Предок мой родной!», но вовремя проглотил слова.

— Охотник Цзянь! Вы так быстро пришли! А я уж думал, что следующей встречи с вами придётся ждать ещё долго! — с восторгом воскликнул он.

Такое радушие совершенно не походило на то, что Линь Жун ожидал увидеть, придя требовать деньги.

Он растерянно посмотрел на стоящего рядом мужчину.

Явное недоумение и замешательство в его глазах развеселили Цзянь Цинъюя. В глубине его взгляда мелькнула лёгкая улыбка.

А Ли Янь всё продолжал заискивать:

— Так этот гер... супруг охотника Цзяня? Вы и правда прекрасно смотрите вместе, словно союз, заключённый самими небесами...

От этих слов Линь Жун будто смутился: лицо его мигом вспыхнуло, и он резко отвернулся, больше не решаясь смотреть Цзянь Цинъюю в глаза.

Цзянь Цинъюй наблюдал за ним с явным интересом.

Лишь когда стало уже невозможно игнорировать болтовню рядом, он отвёл взгляд. Стоило ему посмотреть на Ли Яня, как улыбка в его глазах мгновенно исчезла, уступив место спокойной тёмной холодности.

— Деньги.

Нужно поскорее забрать их, пока стоящий рядом гер не рассердился, подумал Цзянь Цинъюй.

Ли Янь тут же быстро забегал глазами и с заискивающей улыбкой произнёс:

— Подождите немного, я сейчас принесу серебро и всё вам выплачу.

Цзянь Цинъюй молча посмотрел на него несколько мгновений. На его губах появилась непонятная улыбка, от которой Ли Янь лишь ещё сильнее заулыбался.

— Хорошо.

Для Ли Яня это прозвучало как помилование. Он тут же облегчённо выдохнул и бросился бежать.

— Цзянь Цинъюй, почему... — с тех самых слов Ли Яня о «союзе, заключённом небесами» Линь Жун молчал, а теперь, глядя вслед убегающему Ли Яню, наконец хотел кое-что спросить.

Но Цзянь Цинъюй перебил его.

Мужчина прищурился, уголок его брови чуть приподнялся.

— Мм? Как ты меня назвал?

Линь Жун непонимающе повторил:

— Цзянь Цинъюй...?

Цзянь Цинъюй смотрел на него не отрываясь.

Впервые этот гер назвал его по имени.

Они были супругами лишь на словах, «ненастоящей» парой, так что в таком обращении не было ничего странного.

Но ему это не нравилось...

Цзянь Цинъюй пристально смотрел на него. Его тёмные, глубокие глаза будто затягивали в себя — стоило встретиться с ними взглядом, и уже невозможно было вырваться.

— Назови меня по-другому.

Линь Жун не понимал. Цзянь Цинъюй — это Цзянь Цинъюй, как его ещё называть? Не переименовывать же человека.

Он прямо сказал:

— Не знаю, как ещё.

— Сам придумай. Не придумаешь — думай дальше.

Цзянь Цинъюй редко бывал таким настойчивым. Опустив длинные густые ресницы, он говорил неторопливо и совершенно неразумно, но почему-то в его голосе Линь Жуну слышалась какая-то тягучая, мягкая нежность.

И сам не понимая почему, в этот миг Линь Жун вдруг почувствовал, как у него начинают гореть щёки и уши. Он напрочь забыл, о чём вообще хотел спросить, когда окликнул мужчину

по имени.

Отведя взгляд, он больше не смел смотреть в эти чёрные, словно обсидиан, глаза, сияющие под ярким солнцем. Его обычно спокойный и безмолвный разум сейчас лихорадочно работал.

«Сам придумай»... Но как?

Как ещё его можно назвать?

Линь Жун совсем извёлся, хотя внешне этого никак не показывал. Более того, ему даже не казалось, что требование мужчины было беспричинным. Напротив, он лишь думал, какой он глупый, раз ничего не может придумать.

Неизвестно сколько прошло времени.

Под навесом у маленькой калитки стояла тишина. Лишь стрекот цикад доносился непонятно откуда.

Гер долго молчал и не шевелился, и Цзянь Цинъюй уже начал одновременно злиться и смеяться.

Неужели это настолько сложно?

Он вдруг наклонился.

Красивые губы мужчины, хранящие жаркое дыхание, приблизились к самому уху гера, а низкий голос прозвучал почти шёпотом:

— Подумай, как жёны в деревне обычно зовут своих мужей.

Цзянь Цинъюй считал, что намёк более чем очевиден. Кто вообще обращается к своей второй половине по полному имени? Ладно ещё если имя из двух иероглифов, тут он спорить не станет. Но если в имени три иероглифа, то хотя бы до двух сократить можно.

Удовлетворённый, он выпрямился и отстранил голову от шеи гера.

И тут до него донёлся знакомый аромат.

Цзянь Цинъюй замер и невольно шевельнул носом.

Запах стал ещё отчётливее.

Свежий аромат мыльного ореха, смешанный с лёгким естественным запахом самого гера.

Только спустя некоторое время Цзянь Цинъюй медленно выпрямился окончательно.

А Линь Жун, доведённый этой чередой действий до пунцового лица и полного смятения, резко отступил на несколько шагов. Не смея поднять глаз, он боялся, что над его раскрасневшимся видом будет смеяться. Опушенная голова едва ли не в землю уходила.

Цзянь Цинъюй довольно прищурился. Его красивое лицо стало ещё ослепительнее.

Спустя некоторое время он услышал нерешительный, но совсем не тихий голос стоящего перед ним гера:

— Муж...

— ...

Улыбка на лице Цзянь Цинъюя застыла. Потемневший взгляд неотрывно впился в человека перед ним.

Когда Ли Янь привёл мастера Ляо к задней калитке, он увидел странную картину: ещё недавно всё было нормально, а теперь охотник Цзянь изо всех сил смотрел вниз на своего супруга, а тот так же упорно смотрел в землю.

Ли Янь: «?»

— Ай-яй, охотник Цзянь, наконец-то дождались вашего возвращения!

Эта полная восторга фраза мгновенно разрушила вязкую, двусмысленную атмосферу между Цзянь Цинъюем и Линь Жуном. Цзянь Цинъюй отвёл взгляд. По его спокойному лицу невозможно было понять, о чём он думает. А Линь Жун с облегчением выдохнул и в душе был безмерно благодарен Ли Яню за то, что тот вернулся именно сейчас.

Самому Цзянь Цинъюю явно было не до любезностей.

— Деньги, — коротко произнёс он.

Стоявший за спиной мастера Ляо, Ли Янь поспешно протянул ему кошель.

Получив его, Цзянь Цинъюй сразу почувствовал, что вес отличается от ожидаемого, однако лицо его не изменилось. Он молча убрал деньги.

Увидев это, мастер Ляо украдкой облегчённо выдохнул и с неловкой улыбкой заговорил:

— Охотник Цзянь, ну... насчёт того дела...

Цзянь Цинъюй прекрасно понял, к чему тот клонит.

— Можно. Но когда именно — не обещаю.

Мастер Ляо лишь хотел осторожно прощупать почву и уже приготовился к долгим уговорам, но теперь на него словно с неба свалился пирог. Он тут же расплылся в улыбке так, что морщины на его лице едва не подпрыгнули.

— Хорошо! Хорошо! Пока охотник Цзянь готов снова сотрудничать с нашим трактором «Фукан», обо всём можно договориться, обо всём!

Цзянь Цинъюй к тому времени уже окончательно устал от палящего солнца, раскалявшего макушку всё сильнее. Заплатив по десять медяков за человека, целых двадцать монет, они сели в повозку с навесом и отправились домой.

Линь Жуну было больно смотреть на такие траты. Он хотел было сказать, что может дойти пешком, но, едва начав, наткнулся на тяжёлый, молчаливый взгляд Цзянь Цинъюя, в котором читалась угроза.

Солнце больше не палило прямо в голову, мул бежал быстро, и даже горячий ветер казался освежающим. И Цзянь Цинъюй, и Линь Жун почувствовали себя намного легче.

Линь Жун смотрел на проносящиеся мимо пейзажи, и глаза его сияли неподдельным любопытством.

Впервые в жизни он ехал в повозке. Оказывается... это так быстро.

Но стоило ему вспомнить о двадцати медяках, ушедших словно вода сквозь пальцы, как сердце снова болезненно сжалось. Обняв пустую корзину, он уткнулся в неё подбородком и молчал.

Обычная повозка без навеса стоила всего три медяка с человека. И лишь из-за одного навеса цена вдруг выросла так сильно?

Цзянь Цинъюй лежал на досках повозки и, глядя на тонкую спину гера, прекрасно понимал, о чём тот сейчас думает.

Маленький скряга...

Повозка мчалась вперёд. Перед глазами бесконечно сменялись густые зелёные кусты и деревья: одни исчезали вдаль, на их месте тут же появлялись другие — и так без конца.

В этой жаркой, тихой дороге Цзянь Цинъюй вдруг услышал сверху нерешительный вопрос:

— Цинъюй... этот мастер Ляо из трактира «Фукаан»? Почему он к тебе...

Слово «муж» Цзянь Цинъюй толком даже не успел расслышать. Линь Жун больше ни за что не соглашался так его называть и теперь обращался лишь «Цинъюй».

Цзянь Цинъюй тихо вздохнул. Даже не открывая глаз, он неторопливо начал рассказывать:

— Он главный повар на кухне трактира «Фукаан», Ляо Чжэн. Когда я только приехал в деревню, всю добычу с гор продавал именно туда.

— Тогда закупками и кухней заведовал не Ляо Чжэн, а другой человек.

<http://bllate.org/book/17612/1639530>